

Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

Андрей Борисович БОЧАРОВ

Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации" (СЗИУ РАНХиГС)
199034, Россия, Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., 57/43, 199 034
Доцент кафедры общественных наук
Кандидат философских наук, доцент
ORCID: 0009-0005-0115-1243
Email: bocharov-ab@ranepa.ru

Андрей Владимирович ВОЛОДИН

Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Высшая школа философии, истории и социальных наук, лаборант
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-4568-1025
Email: andreivladvol@gmail.com

«ДИАЛЕКТИКА МИФА» А. Ф. ЛОСЕВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА В ПОДХОДЕ К ЭТНОСОФИИ *

В статье анализируется концепт этнософии, исследуемый и разрабатываемый в последнее время в отечественной философии (А. В. Малинов, В. Р. Арсеньев). Ставится вопрос о его теоретической содержательности, эвристической ценности и методологической востребованности. В качестве рабочей гипотезы формулируется тезис о плодотворности исследования концепта этнософии через обращение к «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева. Исследование этнософии в контексте синтетического подхода А. Ф. Лосева, его выводов и интуиций позволит содержательно яснее и объемно точнее оценить концепт этнософии, его слабые и сильные стороны. Методологической базой работы стали труды отечественных философов, работающих в этой области. Особое внимание уделяется конкретной географически очерченной форме этнософии, а именно этнософии на Алтае, привлекающей внимание отечественных исследователей в последние годы. В разделе «Введение» демонстрируется проблематика концепта «мифологическое мышление», актуальность этого концепта в исследовательской парадигме современной науки, а также связь мифа с построением культурной идентичности. Обозначается объект данного исследования – концепт этнософии, в

его генеалогии, истории и перспективе; и предмет – анализ теоретической ценности этнософии в контексте «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева. Указываются ключевые фигуры, развивающие гипотезы этнософии. Раздел «Обсуждение» представляет анализ «Диалектики мифа» в отношении этнософии. В частности, анализируется идея относительной и абсолютной мифологий Лосева, критика новоевропейской научности, ключевые разделы «Диалектики мифа», способствующие теоретическому прояснению этнософии. Представлена краткая история формирования этнософского анализа, а также ключевые атрибуты этнософского мышления в контексте современной алтайской культуры. Раздел «Выводы» представляет гипотетические утверждения, возникшие на основе анализа этнософии.

Ключевые слова: философия, археософия, этнософия, этнософия Алтая, региональная философия, мифология, этнография, Лосев, национальное сознание.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 22-18.00018 «Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания» (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН).



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

В современной науке миф и мифологическое мышление уже не отвергаются как давно отжившие формы сознания¹; как проблемное поле, ушедшее в прошлое, хотя заключение о существовании некоего особого мышления, основанного на некой мифологичности, стабильно подвергается сомнению, вплоть до строгого отрицания. Регулярно появляются исследования, конкретизирующие тот или иной набор мифологических констант, управляющих обществами, тот или иной тип мифологического мышления, связывающего агента мифа с миром, религией, социумом, этничностью², наукой, политикой и др. Это означает, что вопреки клишированному отвержению мифа как отжившей свой век формы связи с реальностью вопрос о мифе преследует как науку, так и общество в целом. Зачастую речь идёт о разрыве в понимании мифа: между древними,

«архаическими» формами коллективного мировоззрения и специфическим мифологическим мышлением, сопутствующим каждой эпохе, если не каждому мыслящему индивиду. Это последнее не так давно стало объектом исследования широкого спектра гуманитарных наук.

Нужно подчеркнуть, что исходно мифологическое мышление служит платформой для выстраивания самобытной идентичности. Сегодня как никогда остро стоит вопрос о том, как сохранить национальную и культурную идентичность в условиях, когда к глобальным трендам принято относить политику и идеологию мультикультурализма и глобализации. Последняя несет угрозу, как минимум, воспринимается как угроза культурной, языковой и национальной самобытности. Это, в свою очередь, указывает на кризис (одно из значений др.-греч. κρίσις – поворот), охвативший мировую цивилизацию, когда одни страны/государства/культуры ориентируют себя на будущее, другие на – прошлое. Для этих, локальных культур, своеобразным антидотом против этого размыва идентичности, средством, повышающим культурную и национальную резистентность, является апелляция к прошлому, к «корням», к «корневому мышлению», в целом к архаике, в частности археософии. Последнее можно, конечно, рассматривать как провинциализм, а можно как регионализм, с претензией на культурную и интеллектуальную автономию и самобытность. В уточнении оптики анализа, пусть не в отказе, но ревизии европоцентризма и сциентизма, состоит актуальность исследования.

Объект данного исследования – концепт этнософии, в его генеалогии, истории и перспективе. Предмет же – анализ теоретической ценности этнософии в контексте «Диалектики

¹ «Школьная образованность» в России уже признала этот факт, преодолев морально устаревшие концепты советской религиоведческой учёности. Так, например, один из лучших современных русскоязычных учебников по религиоведению для бакалавров фиксирует: «Для понимания природы мифологического сознания и мифа нужно помнить, что оно так и не было вытеснено в прошлое секулярной европейской цивилизацией. Хотя неоднократно объявлялось о “расколдовывании” природы и общества, о преодолении мифа как “несовершенной формы знания”, мы регулярно видим настойчивые попытки реставрации прав “мифопоэтики” на обладание истиной – от романтиков рубежа XVIII–XIX вв. до юнгианства и представителей движения “ню-эйдж” в наше время. Более того, в ряде случаев современные исследователи обнаруживают, что сама европейская научная рациональность не свободна от мифологического “бэкграунда”» (Рахманин, А. Ю. (отв. ред.) Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – С. 193).

² Речь может идти о конструировании искусственного исторического мифа с целью эксплуатации конфликта на этнической основе: См.: Маковская, Д. В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1(77). – С. 78–86.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

мифа» А. Ф. Лосева. В качестве рабочей гипотезы предьявляется тезис о том, что рассмотрение концепта этнософии в контексте лосевской нарратологии мифа эвристически плодотворно, поскольку позволяет выявить потенциал этнософии, его дальнейшую интеллектуальную востребованность. В качестве усилителя рабочей гипотезы следует рассматривать тезис о том, что этнософия или региональная философия не только ретроспективна, но перспективна.

В последнее время интерес исследователей самого широкого диапазона от гуманитариев до антропологов к феномену философии с этнографическим уклоном, объединяемых термином – этнософия, невероятно возрос. Свидетельство этому работы В. В. Ванчугов³, М. Н. Эпштейна⁴, А. В. Малинова⁵, В. Р. Арсеньева⁶, В. Ю. Попкова, Е. А. Тюгашева⁷ и др. За рубежом термин этнософия встречается, например, в работах американского антрополога М. Херековица.

Обсуждение

Реальность философии, на наш взгляд, существует в двух модусах. Философия как институализированное знание, т. е. профессио-

³ Ванчугов, В. В. «Этнософия»: ретроспективный анализ в прагматическом аспекте будущего // Наука. Философия. Общество. Материалы V Рос. филос. конгр. – Т. II. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 514–515.

⁴ Эпштейн, М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – 336 с.

⁵ Малинов, А. В. На пути к этнософии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 4 (184). – С. 155–162.

⁶ Арсеньев, В. Р. Манифест этнософии // Общество. Среда. Развитие. 2006. – № 1 – С. 36–44; Арсеньев, В. Р. Базовые понятия этнософии: подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // Общество. Среда. Развитие. 2008. – № 1 – С. 100–116.

⁷ Попков, В.Ю., Тюгашев, Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства – Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. – 376 с.

нальное, дискурсивное, рациональное. И философия как деятельность, как философствование, т. е. не институализированное, не дискурсивное и не рациональное. Эти модусы сегодня не просто дистанцированы, а внеположены друг другу. Хотя, стоит заметить, что в Античности они совпадали (см., напр., работы П. Адо). Философия как знание традиционно противопоставляется (ось) философии как философствованию в значении: высокое – низкое, сакральное – профанное, профессиональное – дилетантское, рациональное – нерациональное, элитарное – демократическое. Однако в действительности философия как знание не столь рациональна, а философия как философствование – нерациональна. Иррациональный характер философии придает наличие в ней структур и нарратива мифа. Так, например, в такой сугубо секулярной и рациональной философии как марксизм есть свой миф, на религиозной подкладке, имя которому – коммунизм. В указанном смысле марксизм и религия идентичны, поскольку заняты общим делом сотериологией – созданием учения о спасении. Даже наука, которую можно рассматривать как манифестацию рационализма, знает элементы религиозного мифа (сад, яблоко). Это сад имени в Вулсторпе, в котором И. Ньютон проводил вакации. И как вкушение от яблока «запустило» человеческую историю, так его падение инициировало процесс (историю) формирования классической физики (науки). Это, во-первых. Во-вторых, философствование применительно к народу (этносу) есть его философская самопрезентация, творчество. Оно, конечно, стихийно, а главное несет неизбывный отпечаток мифологичности, мифологической синкретичности, слиянности рационального с нерациональным, даже с дорациональным, «пралогическим мышлением» (К. Леви-Брюль). Традиционно этому давались нега-



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

тивные характеристики (оценки). Однако, если сменить оптику анализа и посмотреть на это сквозь призму «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева, его взглядов, прозрений и интуиций, то картина будет несколько иной. Ведь миф по Лосеву многомерен, сложен и может быть экстраполирован на разные уровни реальности (бытия). Миф есть первая глобально-тотальная объяснительная модель.

В отечественных исследованиях понятия «миф» особое теоретическое напряжение представляет концепт мифического и/или мифологического мышления и/или сознания. Работа Л. Я. Жмудя «О понятии “мифологическое мышление”»⁸ здесь является, возможно, одним из лучших на сегодняшний день вводных историко-аналитических «разбирательств» с мифологическим мышлением. Представив основные вехи движения аналитики мифа в истории от вопроса Ф. Крейцера, вплоть до М. И. Стеблин-Каменского, Леонид Яковлевич заключает текст «мыслью английского античника Дж. Керка⁹, известного своими работами по греческой философии, литературе и мифологии. Его слова могут показаться резкими, тем не менее они совершенно справедливы: “Лишенное поддержки со стороны сновидений (ибо они не есть форма мышления) и примитивной ментальности (ибо это просто химера), “мифологическое мышление” остается тем, чем оно является на самом деле: странным соединением психологического анахронизма, эпистемологической путаницы и исторической бессмыслицы”»¹⁰. Взгляд такого

рода позволяет избавиться от устойчивых поисков «особого типа» мышления, нарочно противопоставляемого научному типу рациональности как более ранняя, непосредственная, а значит и более свободная от «диктата науки» форма соотношения человеческого, вселенского и конкретного. Вдобавок: конкретный тип мышления (если о мышлении вообще можно рассуждать типологически) в истории европейских наук формально институционализировался образующими традицию конкретными дисциплинами: например, теологией, философией, юстицией (юриспруденцией) и др., но некой особенной науки «мифологии» так и не образовалось, так что «Когда вера в мифы ушла в прошлое, логографы и мифографы стали их классифицировать и систематизировать, а философы – толковать»¹¹.

Отечественная философия мифологии практически не обходится без рефлексии над «Диалектикой мифа» А. Ф. Лосева, хотя вопрос о релевантности теоретических оснований его работы поднимается редко, если вообще поднимается. С. М. Климова, называя Лосева «Крупнейшим отечественным исследователем мифосознания»¹² также замечает, что «Лосев вполне академичен в своём анализе мифа»¹³. Между прочим, она выявляет корреляцию между приёмом «остранения» В. Шкловского и «мифичной отрешённостью» Лосева, толкуя оба феномена как способы деконструкции повседневности, автоматического принятия пустых

22

⁸ Жмудь, Л. Я. Жизнь мифа в античности // Материалы научной конференции «Випперовские чтения–1985». Вып. 18. Часть 1. Доклады и сообщения. М., 1988. URL: http://annales.info/other/small/mifmysl.htm#_ftn40 (дата обращения: 27.01.2023).

⁹ Kirk G. The Nature of Greek Myths. L., 1977. P. 296.

¹⁰ Жмудь, Л. Я. Жизнь мифа в античности // Материалы научной конференции «Випперовские чтения–1985». Вып. 18. Часть 1. Доклады и сообщения. М., 1988. URL:

http://annales.info/other/small/mifmysl.htm#_ftn40 (дата обращения: 27.01.2023).

¹¹ Дилите, Д. Античная литература / пер. с лит. Малинаускене Н. К. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. Шичалина, 2003. – С. 14.

¹² Климова, С. М. Мифологическое сознание в теориях советской философии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 5 (97). – С. 9.

¹³ Там же. С. 9.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

вещей и мира в целом: «То, что было Шкловским названо толстовским “наивным взглядом”, позволявшим через остранение заниматься денонсированием иллюзорной окружающей реальности, Лосев осуществил через миф, рассмотрев его как новую гносеологию, преодолевающую плоскость обыденного реализма – в том числе советского диамата с его “теорией отражения”»¹⁴.

Лосев, действительно, настаивает на мифе как *фактической* структуре, обрамляющей многообразие единичных событий или фактов в противовес истории и вечной истине. Более того: хотя миф и оформляет так называемое мифологическое мышление/сознание, тем не менее, он не есть интеллектуальная операция рефлексии: «Миф не есть догмат потому, что последний есть всегда уже определенного рода рефлексия над религиозным опытом и, может быть, даже над религиозным мифом. Миф же, как мы это уже видели, ни в каком смысле не есть какая-нибудь рефлексия. Он всегда некая явленность, непосредственная и наивная действительность, видимая и осязаемая изваянность жизни. Конечно, миф, как и все на свете, существует не без рефлексии. Но этой рефлексии здесь не больше, чем в любой вещи обычного повседневного восприятия. Во всяком случае, тут нет никакой ни вообще изолированной рефлексивной функции, ни даже такой изолированности, которая как бы неотделима от самого мифа. В мифе нет вообще речи о рефлексии»¹⁵. Диалектическая аналитика знания и веры утверждается Лосевым по линии трансцендентальной связности обоих в пределах рационального мышления. Поскольку «знаемое отлично от знающего», постольку необходим фи-

лософский реализм, утверждающий сопряжение мышления и вещи. Производя в целом восходящую к платонизму постановку вопроса о соотношении знающего и знаемого¹⁶, Лосев утверждает, что знать знаемое только лишь логическими средствами невозможно, так как в этом случае мышление образует себя как замкнутую созерцательную структуру из чего следует, что вещь остаётся за пределами такого созерцания. Этот антиреализм Лосев опровергает апофатически, заключая тождество знания и веры: «Значит, знаемое от знающего должно отличаться кроме логических признаков еще и нелогическими признаками. Признаки, отличающие знаемое от знающего, должны говорить не только о логическом и смысловом их противопоставлении, но и о таком их противопоставлении, когда они противостоят и положены друг против друга вне-логически. Но что такое внелогическое положение вещи? Что такое происходит в нас, когда мы утверждаем вещь без внимания к ее смысловой и логической утвержденности и обоснованности? *Это и значит, что мы пользуемся средствами веры. Другими словами, знание в сущности своей и есть подлинная вера; и эти две сферы не только неразъединимы, но даже и не различимы*»¹⁷. В связи с этим становится понятным отношение Лосева к так называемой идеологии, которая есть гипостазированный миф, локализуемый лично, а значит и пропагандируемый приверженцами той или иной мифической константы не на рациональных, но индивидуальных началах¹⁸. Исповедание мифической установки

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд-во «Мысль», 2001. – С. 128–129.

¹⁶ Там же. С. 135.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «1. Атеист не на основании знания критикует объекты веры; и он нас обманывал, когда говорил, что именно знание заставило его критиковать веру. 2. Собственные объекты также установлены им не на основании простого знания (ибо голое знание дало бы ему только логические



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

именно как рациональной константы, определяющей мировоззренческие парадигмы в духе модерного просвещения есть пропаганда¹⁹, преследующая интересы коллективов²⁰ на основе личного мифического исповедания. Приверженцы того или иного мифа, мысля мифически, порождают основанные на мифе движения, научные и политические программы, объединяющие субъектов схожего мифического опыта на основаниях солидарности. Верхушкой этого процесса выступает всё то же *мышление*: «Я утверждаю, что, как все мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединенном индивидуализме, т. е. оказывается капитализмом, и на рационализме, т. е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф»²¹. Схожим образом советский материализм Лосев называет «догматическим богословием»²², а конфликт с ленинским тезисом об абсолютной нечеловечности материи приводит его к характеристике советской материалистической доктрины как ориентированной на «Мёртвое и слепое вселенское чудище»²³. Это

и чисто теоретические, а не реальные объекты); 3. фактически имея свою собственную оригинальную веру, но на словах обманывая других (а часто также и себя, – только уже не на словах), будто у него никакой веры нет, он дает в сущности непроанализированный сгусток аффективного напора и слепого нападения – на свое же собственное существо» (Там же. С. 136)

¹⁹ «Абсолютная мифология – та, которая знает только одно мифическое бытие и больше никакое другое. Это бытие, следовательно, не стеснено никакими другими принципами. <...> вся пропаганда, агитация, проповедь, убеждение и пр. есть не что иное, как продукт магических отношений между личностями» (Там же. С. 442).

²⁰ «вопреки всякой диалектике, вопреки всякой логике подымается огромная волна в человечестве опереться или только на одну веру, или только на одно знание» (Там же. С. 136).

²¹ Там же. С. 138.

²² Там же. С. 139.

²³ Там же. С. 146.

последнее выводится Лосевым просто: хотя материалисты и абсолютизируют универсум, как только лишь материальный субстрат, тем не менее, они не могут устранить мышление от мифического соотношения с таким универсумом – буквально, материалистическая установка как установка не может быть «чисто логической категорией», поскольку подразумевает некое категорическое отношение, а такого рода отношение не может не оказаться в формулировке Лосева отношением к личности. Значит, материалисты, утверждая принципиально нечеловеческий характер материи и вместе с тем не сумев устранить необходимость личностного отношения к такому универсуму, порождают бытийное противоречие, т. е. то самое «мёртвое чудище». Материалистическая картина мира, вообще новоевропейские гуманистические, либеральные, атеистические картины мира объясняются Лосевым как эффекты анти-всеединого, а значит и деструктивного мышления, увязшего в мифе отвержения веры, необходимой для сохранения полноты знания.

Этот сюжет задаёт характер неизбежности мифического мышления, не всего лишь влияющего, но определяющего суть, исповедание картин мира, сталкивающихся друг с другом политические общества, науки, философии. Получается, что исходно интеллектуальные конфликты заданы не рациональными пропозициями, а личным исповеданием, т. е. фундаментальным конфликтом мифических интересов. Именно поэтому Новое время Лосев объясняет не через смену аспекта рациональности, а как «величайшую мировую катастрофу», «огромное перерождение»²⁴, конструируемые, сопровождаемые иррациональными аффектами²⁵. Потому

²⁴ Там же. С. 255.

²⁵ «<...> никогда еще человек так не издевался и не глумился над той старой святаыней, которую сам же он пре-



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

и сама история, приведшая человечество к «катастрофе Нового времени», сводима к первичному ощущению «Личности», а картины мира Нового времени, одним из изводов которого является господствующий при Лосеве материализм, объясняются через опровержение этой Личности, т. е. то же самое мифическое отношение к Личности задаёт нововременное её опровержение²⁶. Весь корпус таких основанных на личной мифичности и искажающих непосредственное отношение к Личности картин мира относится к так называемым относительным мифологиям, оформляющим временную фактичность в доктрины. Вопреки такой мифологии Лосев полагает «Абсолютную мифологию», которая *«всегда есть определенная умная иконография бесконечности»*²⁷. Бесконечность, противопоставленная относительности, соответственно христианскому исповеданию Лосева, оказывается теизмом²⁸ и если общение мифичного индивида с Христом отнесено в область таинства, то «внешней организованностью» Абсолютной мифологии выступает ортодоксальная церковь²⁹. Таким образом, Лосев видит в истории мышления единственный источник Абсолютной мифологии – этого аутентичного реальной мифологии личности образа мысли – а именно православное вероучение, жёстко расходящееся здесь даже с наиболее древними формами мысли, такими как плато-

низм и иудаизм. Совершенная форма мифологического мышления – это Абсолютная мифология свободной личности, достигаемая в «чистой» диалектике православного вероучения. Влиянию на Лосева платонизма, русской религиозной философии и др. посвящено немало исследований.

Переходя к вопросам уже этнософского мышления или этнософии здесь следует кратко указать на существующую в этом контексте литературу. Замечательное исследование О. А. Янутш «Этнософия: 100 лет в поисках себя»³⁰, опубликованное в 2022 г. проливает свет на всё еще спорное положение этой молодой субдисциплины. Замечая, что «полную историографию этнософии, конечно, ещё только предстоит разработать», она специально подчёркивает, что «данное понятие (и соответствующее направление исследований) было достаточно хорошо известно отечественным специалистам 1920–1930-х гг. вне связи с работами Н. С. Трубецкого»³¹, к которому и восходит термин «этнософия»³². Это замечание тем важно, что этот термин принадлежит далеко не только ему одному, что и доказывает автор. В наше время «историография этнософии» насчитывает более чем десяток статей³³ и пристальное внимание к ней здесь требует последовательной разработки теоретической базы. Гипотеза состоит в том, чтобы, обратившись к «Диалектике мифа» Лосева³⁴ выработать стабильное

возносил со всем пафосом и могуществом, какие только ему свойственны» (Там же. С. 255).

²⁶ «Однажды ощутивши ту Личность, универсальнее и абсолютнее которой ничего не может быть ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, человечество уже не могло забыть Ее. Но помнить — не значит только любить. Помнить можно и в ненависти, в злобе, в борьбе. Возрождение открывает собою тот период истории, когда человек будет ненавидеть Бога, злобствовать на Него, бороться с Ним» (Там же. С. 256).

²⁷ Там же. С. 228.

²⁸ Там же. С. 230.

²⁹ Там же. С. 231.

³⁰ Янутш, О. А. Этнософия: 100 лет в поисках себя // Общество. Среда. Развитие – 2022. – № 4. – С. 11–14.

³¹ Там же. С. 12.

³² Jakobson, R. O. N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris: Mouton, 1975. P. 98.

³³ Волкова, Е. А. Современная отечественная историография этнософии // Гуманитарный акцент. – 2022. – № 3. – С. 82–88.

³⁴ См.: «Одним из первых опытов исследования этнософского мышления можно считать работы А. Ф. Лосева по философии мифа» (Малинов, А. В. Этнософия, или ар-



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

теоретическое отношение к этнософии как интеллектуальной установке.

Базово этнософия определяется как «мудрость народа», что сразу говорит о локализации такого типа мышления в пределах конкретного общества, представители которого связывают своё историческое существование с наследием предков. А. В. Малинов называет этнософию «региональной философией»³⁵, реализуемой по другую сторону крупных «национальных философий» (напр., английской, французской, русской и т. д.). Рассматривая этнософию на примере алтайской интеллектуальной атмосферы, он отмечает возможный вариант её формирования – как реакцию на появление философского образования на Алтае (возникшего там сравнительно недавно, во времена СССР). Среди прочего А. В. Малинов подчёркивает: «Главное отличие этнософии от философии состоит в том, что этнософия возвращает нас к мифологическому сознанию, противостоящему дискурсивному понятийному мышлению философов»³⁶.

Прежде всего такие исследователи этнософии, как А. В. Малинов и В. Р. Арсеньев особо подчёркивают, что это этнософское мышление ориентировано на противостояние антропоцентрическим и евроцентристским типам научного знания³⁷. Это означает, что носители

этнософского мышления мыслят себя в положении противостояния итогам исторического развития европейской учёности. Этот тезис коррелирует с заочной полемикой Лосева с О. Контом, Г. Спенсером и Э. Тейлором, придерживающегося строгого разграничения научной и мифологической позиций мышления³⁸. Тезис Лосева апеллирует к историчности категорий, т. е. к их эйдетической самодостаточности: «Первобытная наука, как бы она ни была первобытна, есть все же как-то наука, иначе она совершенно не войдет в общий контекст истории науки, и, следовательно, нельзя ее будет считать и *первобытной* наукой»³⁹. При этом наука вполне может оказаться мифологичной, как и философия – об этом речь шла выше. Тексты алтайской интеллигенции, относимые к «этнософским текстам», например, Н. А. Шодоева или А. С. Суразакова вполне свидетельствуют в строгом смысле паранаучный характер высказывания, при этом в этих текстах отсутствует радикализм антинаучной картины мира. В этом смысле этнософское мышление уживается с наукой, либо не замечая её, либо не отводя ей центрального эпистемологического значения. Сам Лосев не заходит так

хеософия, Алтай // *Studia Culturae*. – 2013. – № 18. – С. 122–123).

³⁵ Малинов, А. В. Этнософия, или археософия, Алтай // *Studia Culturae*. – 2013. – № 18. – С. 122.

³⁶ Там же.

³⁷ «Главным содержанием искомого видения должен явиться конструктивный отказ от антропоцентричного мировосприятия, равно как и евроцентричного либо любого другого локально или стадильно предопределенного подхода к восприятию и интерпретации реальности» (Арсеньев, В. Р. Манифест этнософии // *Общество. Среда. Развитие*. – 2006. – № 1. – С. 38); «Усиливающаяся специализация научного знания и его все большее удаление от очевидностей обыденного сознания создают ощу-

щение фрагментарности современной науки, неполноты того знания о мире, которое дает наука и которое необходимо компенсировать целостным мировоззрением (что традиционно относилось к функциям религии и философии) и практическим действием, творческим преобразованием мира» (Малинов, А. В. На пути к этнософии // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. – 2013. – № 4 (184). – С. 156).

³⁸ «Миф всегда чрезвычайно практичен, насыщен, всегда эмоционален, аффективен, жизнен», «В первобытной науке, несмотря на всю ее первобытность, есть некоторая сумма вполне определенных устремлений сознания, которые активно не хотят быть мифологией, которые существенно и принципиально дополняют мифологию и мало отвечают реальным потребностям последней» (Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд-во «Мысль», 2001. – С. 41–42.).

³⁹ Там же. С. 41.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

далеко, но его тезис о мифологичности всякой науки подразумевает возможность альтернативы – в его случае альтернативы Новому времени.

Следующий характерный аспект этнософии на Алтае – она не производит или пока не произвела реальной религии или секты. Несмотря на сформировавшуюся в начале XX в. так называемую «белую веру» бурханизма, исповедуемую алтай-кижи и противопоставленную традиционному шаманизму, это явление связывается именно с этническими процессами, а не интеллектуальными. Н. А. Шодоев, В. А. Муйтуева и другие последователи этнософии – представители интеллигенции, а не политики. Их работа связана, скорее, с фольклористикой, культурологией, культивацией «наследия предков». Признавая, что миф и религия есть формы самоутверждения личности, Лосев подчёркивает, что «самая структура мифа совершенно не зависит от того, будет ли она наполнена религиозным или иным содержанием. В мифе личность вовсе не живет обязательно религиозным самоутверждением в вечности. В ней отсутствует самый нерв религиозной жизни — жажда спасения и искупления»⁴⁰. Конечно, здесь Лосев делает упор на авраамическую религию с её центральной сотериологической идеей. Однако он фактически отождествляет специфику мифологического мышления с объектами/персонажами исторического фольклора: «...что специфически религиозного в образе Ильи Муромца, Алеши Поповича и пр.? Это – просто картина эмпирически живущих личностей, – правда, каких-то особенных по своему могуществу и проч., свойствам, но ничего специфически религиозного не выражающих, не утверждающих и не вызывающих»⁴¹.

⁴⁰ Там же. С. 121.

⁴¹ Там же. С. 121.

Это вполне совпадает с этнософской ориентацией на литературно-исторических персонажей, которыми зачастую выступают географические объекты – напр., реки, озёра, горы и др.⁴².

Мы указали лишь на некоторые категории мифа, зафиксированные «Диалектикой мифа» Лосева, поскольку они, как нам представляются, совпадают с ключевыми аспектами этнософского мышления (а именно: миф есть сознание, миф есть личность (индивид), миф не есть научное построение, миф не есть религия). Однако картина этнософии будет не полной без попытывающего уточнения финальной формулы Лосева, основанной на категории «миф есть чудо».

В главе X «Миф не есть историческое событие как таковое» Лосев заключает, что «*миф есть в словах данная личностная история*»⁴³. Эта формула утверждает явление истории как самосознания, существующего из себя и для себя, т. е. история здесь представляется самостоятельной категорией мышления, не сводимой к накоплению фактов по схеме: от человеческого субъекта к объектам прошлого и прошлому как объекту. Субъект и объект в истории совпали, значит – история возможна только как самосознание или разновидность самосознания, только затем в процессах теоретизации она становится наукой. «Она (история – А. Б., А. В.) есть творчество сознательно-

⁴² Волкова, Е. А. Развитие литературного творчества на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой

реальностью: сборник материалов V Международной научной конференции (под ред. Р. А. Бадикова). – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. – С. 71–75.; Ерленбаева, Н. В., Тыбыкова, Л. Н., Сарбашева, С. Б., Наджафова, Р. В. Алтайский мифологический словарь: Справочное пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – 96 с.

⁴³ Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд-во «Мысль», 2001. – С. 171.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

выразительных фактов, где отдельные вещи входят в общий процесс именно выражением своего самосознания и сознательного существования. Но что такое творчески данное и активно выраженное самосознание? Это есть слово. В слове сознание достигает степени самосознания»⁴⁴. Этот тезис необходим Лосеву для разграничения события и слова. Тщательное внимание к прошлому, понятому как сменяющиеся друг друга массивы событий, рискует обесчелочить сущность истории как самосознания, а, значит, и истории как науки. Необходимо сменить перспективу, обратившись к аналитике мифического сознания, обращающегося к прошлому. Выше мы не раз указывали на подход Лосева к личности как фундаменту мифического отношения к реальности. Мостик между субъектом и реальностью формируется в истории, которая есть форма самосознания, удерживаемая умом субъекта. Но если самосознание и высказывается, то, словом, в словарном смысле. Феномен истории для Лосева – то, что высказано вслух, либо записано, но и говорение и письмо производится словами. «Итак, миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания»⁴⁵. По Лосеву получается, что миф – это не случай, записанный в книги по «истории мифологии», взятый как, например, всемирный потоп. Миф – это случай+личностное к нему отношение, т. е. «натуральный» миф натурален тогда, когда прямо сейчас он представлен активным самосознанием личности. Таким образом, «*миф есть в словах данная личностная история*»⁴⁶

Однако эта личностная история резко отмежевывается Лосевым от понятия объекта

исторического, какое характерно для позитивной науки. Он замечает, что приведенная им формула (определение) подразумевает содержательное совпадение истории и мифа (в частности: оба высказываются в словах, оба есть самосознание). В логике Лосева это означает, что необходима еще одна категория, с одной стороны, подчёркивающая отличие мифической историчности от биографической истории, а с другой, содержательно обобщающей концентрацию мифа на совмещении эмпирических вещей и «сверхъестественных моментов»⁴⁷. Эта категория называется им «чудо» и моментально миф обозначается как чудо⁴⁸. Привычно понимаемое или как нарушение Богом законов природы, или как форма фантазии, чудо перерабатывается Лосевым в так называемое «чудесное отношение», конституируемое «изначальным блаженно-личностным самоутверждением»⁴⁹. Здесь наблюдается та же смена аспекта, что и в случае с интерпретацией истории – высказывание о чуде возможно, однако восприятие феноменов реальности как чудесных событий опытным путем непередаваемо. Более того – чудо как состояние вещи «распределяется» по универсуму равномерно, исходя, опять же – из самосознания мифической (т. е. мыслящей мифологически) личности. «Весь мир и все его составные моменты, и все живое и все неживое, одинаково суть миф и одинаково суть чудо»⁵⁰.

Мифологическое исследование Лосева здесь чрезвычайно плодотворно, а совпадения с реальными феноменами этнософии (в нашем случае, на Алтае) вынуждают планировать еще более тщательно освоение «Диалектики мифа» в целях анализа «этнософских сообществ».

⁴⁷ Там же. С 172.

⁴⁸ Там же. С. 173.

⁴⁹ Там же. С. 200.

⁵⁰ Там же. С. 201.

⁴⁴ Там же. С. 170.

⁴⁵ Там же. С. 171.

⁴⁶ Там же.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

«Особенностью “древней философии”, по словам А. С. Суразакова, является “единство прагматического и мистического”, или “магическое соучастие древнего человека в жизнотворных природных процессах” <...> Этнософия Алтая не только стремится к архаизации сознания, но и актуализирует мифологические модели, вводя их в содержание современного сознания...»⁵¹. «Манифест этнософии» В. Р. Арсеньева, считающийся у нас одним из первых теоретических подступов к этнософии, словно вслед за Лосевым, вводит так называемые «постулирующие ограничения», среди которых первые три формулируются так: «1. Исследователь и мир составляют единую систему. 2. Расчленение реальности – условность миропознания, логическая операция в соответствии с выработанными и унаследованными приемами. 3. Реальность есть целостность, неразделимая и нерасчленимая, кроме как в мыслительной операции»⁵². Богатейшая палитра мифологических сказаний Алтая, затем, внимание алтайской интеллигенции⁵³, в том числе и академической, к реставрации этого мифологического наследия хотя бы как исторического знания есть в терминологии Лосева «общение мифических личностей». Эти и другие теоретические свидетельства предстоит умножить, расширить и углубить.

Выводы

Таким образом, осуществленный нами анализ, дает все основания утверждать:

- подход А. Ф. Лосева к анализу мифа синтетичен – это феноменология плюс апофатическая и катафатическая диалектика с привлечением, например, рецепций имяславия. Эта исследовательская стереоскопия позволяет уйти от линейно-плоских трактовок «объективации смысла», редуционистского подхода, а взамен – прийти к объектности феномена мифа, и получить посредством такой амплификации анализа объемное рассмотрение мифа, мифологичности;
- этнософию следует рассматривать не в оппозиции классической, академической философии и не в сравнении с ней (подобного рода сравнения контрпродуктивны), а как среду обитания (бытования) ментальности этноса;
- этнософия инкубационно-интеллектуальная среда, в которой происходит «созревание» и формирование национального мышления/ментальности.

Список литературы

- Арсеньев, В. Р. Базовые понятия этнософии: подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // Общество. Среда. Развитие. 2008. – № 1 – С. 100–116.
- Арсеньев, В. Р. Манифест этнософии // Общество. Среда. Развитие. – 2006. – № 1. – С. 36–44.
- Ванчугов, В. В. «Этнософия»: ретроспективный анализ в прагматическом аспекте будущего // Наука. Философия. Общество. Материалы V Рос. филос. конгр. – Т. II. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 514–515.
- Волкова, Е. А. Развитие литературного творчества на Алтае во второй половине XIX — начале XX вв. // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: сборник материалов V Международной научной конференции (под ред. Р. А. Бадикова). – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. – С. 71–75.

⁵¹ Малинов, А. В. Этнософия, или археософия, Алтая / А. В. Малинов // *Studia Culturae*. – 2013. – № 18. – С. 131–132.

⁵² Арсеньев, В. Р. Манифест этнософии // *Общество. Среда. Развитие*. – 2006. – № 1. – С. 37.

⁵³ См. подр.: Малинов, А. В. На пути к этнософии // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. – 2013. – № 4 (184). – С. 155–162.



Андрей Борисович БОЧАРОВ, Андрей Владимирович ВОЛОДИН

| «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии |

Волкова, Е. А. Современная отечественная историография этнософии // Гуманитарный акцент. – 2022. – № 3. – С. 82–88.

Дилите, Д. Античная литература / пер. с лит. Малинаускене Н. К. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. Шичалина, 2003. – 348 с.

Ерленбаева, Н. В., Тыбыкова, Л. Н., Сарбашева, С. Б., Наджафова, Р. В. Алтайский мифологический словарь: Справочное пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – 96 с.

Жмудь, Л. Я. Жизнь мифа в античности // Материалы научной конференции «Випперовские чтения–1985». Вып. 18. Часть 1. Доклады и сообщения. – М.: Советский художник, 1988. URL: http://annales.info/other/small/mifmysl.htm#_ftn40 (дата обращения: 27.01.2023).

Климова, С. М. Мифологическое сознание в теориях советской философии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 5 (97). – С. 6–17.

Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд-во «Мысль», 2001. – 558 с.

Маковская, Д. В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1(77). – С. 78–86.

Малинов, А. В. На пути к этнософии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 4 (184). – С. 155–162.

Малинов, А. В. Этнософия, или археософия, Алтая // Studia Culturae. – 2013. – № 18. – С. 121–136.

Попков, В. Ю., Тюгашев, Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства – Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. – 376 с.

Рахманин, А. Ю. (отв. ред.) Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата. – Москва: Изд-во Юрайт, 2016. – 307 с.

Эпштейн, М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – 336 с.

Янутш, О. А. Этнософия: 100 лет в поисках себя // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 4. – С. 11–14.

Kirk, G. The Nature of Greek Myths. – L.: PENGUIN BOOKS, 1977. – 336 p.

Jakobson, R.O. N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. – Paris: Mouton, 1975. – 508 p.



Andrey B. BOCHAROV, Andrey V. VOLODIN

| "*Dialectics of Myth*" by A. F. Losev as a Theoretical Basis in the Approach to Ethnosophy |

Andrey B. BOCHAROV

The North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57/43, Sredny prospect V. O., Saint Petersburg, 199034 Russian Federation
Associate Professor of the Department of Social Sciences
PhD in Philosophy, Associate Professor
ORCID: 0009-0005-0115-1243
Email: bocharov-ab@ranepa.ru

Andrey V. VOLODIN

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, st. Alexander Nevsky, Kaliningrad, 236041 Russian Federation
Higher School of Philosophy, History and Social Sciences
Laboratory Assistant
Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya street, Saint-Petersburg, 190005, Russian Federation
Junior Research Fellow
ORCID: 0000-0003-4568-1025
Email: andreivladvol@gmail.com

**"DIALECTICS OF MYTH" BY A. F. LOSEV
AS A THEORETICAL BASIS IN THE APPROACH TO ETHNOSOPHY**

The article analyses the concept of ethnosophy that has been recently studied and developed by Russian philosophy (A. V. Malinov, V. R. Arseniev). The question of its theoretical content, heuristic value and methodological relevance is raised. The working hypothesis is the fruitfulness of research into the concept of ethnosophy through reference to A. F. Losev's *Dialectics of Myth*. The study of ethnosophy in the context of A.F. Losev's synthetic approach, his conclusions and intuitions will make it possible to assess the concept of ethnosophy, its weaknesses and strengths more clearly and comprehensively. The methodological basis of the work is formed by the works of Russian philosophers working in this field. Particular attention is paid to a specific geographically delineated form of ethnosophy, namely ethnosophy in the Altai, which has attracted the attention of domestic researchers in recent years. The theoretical results of this study are to be tested during a special research expedition to Altai. The section "Introduction" shows the problematics of the concept "mythological mindset", the relevance of this concept in the research paradigm of modern science, as well as the connection of myth with the construction of cultural identity. The object of this study is the concept of eth-

nosophy in its genealogy, history, and perspective; and the subject is the analysis of the theoretical value of ethnosophy in the context of A. F. Losev's *Dialectics of Myth*. The key figures developing the hypotheses of ethnosophy are pointed out. The Discussion section presents an analysis of the *Dialectics of Myth* in relation to ethnosophy. Losev's idea of relative and absolute mythologies, his critique of New European scholarship, and the key sections of *Dialectics of Myth* that contribute to the theoretical clarification of ethnosophy are analysed. A brief history of ethnosophic analysis formation is presented, as well as key attributes of ethnosophic thinking in the context of contemporary Altai culture. The Conclusions section presents hypothetical claims that emerged from the analysis of ethnosophy.

Key words: philosophy, archaeosophy, ethnosophy, ethnosophy of Altai, regional philosophy, mythology, ethnography, Losev, national consciousness.



Andrey B. BOCHAROV, Andrey V. VOLODIN

| "*Dialectics of Myth*" by A. F. Losev as a Theoretical Basis in the Approach to Ethnosophy |

References

Arsen'ev, V. (2008). Bazovye ponyatiya etnosofii: podstup k formirovaniyu mirovoz-zrencheskoj al'ternativy [Basic Concepts of Ethnosophy: Approaches to the Formation of a Worldview Alternative]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1. 100–116. (In Russian).

Arsen'ev, V. (2006). Manifest etnosofii [Ethnosophy Manifesto]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1. 36–44. (In Russian).

Vanchugov, V. (2009). «Etnosofiya»: retrospektivnyj analiz v pragmaticheskom aspek-te budushchego ["Ethnosophy": A retrospective analysis in a pragmatic perspective of the future]. *Nauka. Filosofiya. Obshchestvo. Materialy V Ros. filos. kongr. Novosibirsk: Par-allel'*, 2. 514–515. (In Russian).

Volkova, E. (2022). Razvitie literaturnogo tvorchestva na Altae vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The development of literary creativity in Altai in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Sud'by nacional'nyh kul'tur v usloviyah globalizacii: mezhdru tradiciej i novoj real'nost'yu: sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (pod red. R. A. Badikova). Chelyabinsk: Izd-vo CHelyab. gos. un-ta.* 71–75. (In Russian).

Volkova, E. (2022). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya etnosofii [Modern Russian historiography of ethnosophy]. *Gumanitarnyj accent*, 3. 82–88. (In Russian).

Dilite, D. (2003). Antichnaya literatura [Antique literature]. *Greko-latinskij kabinet Yu. Shichalina*. 348. (In Russian).

Erlenbaeva, N., Tybykova, L., Sarbasheva, S., Nadzhafova, R. (2016). *Altajskij mifologicheskij slovar': Spravochnoe posobie [The Altai Mythological Dictionary: A Reference Manual]*. Gorno-Altajsk: RIO GAGU. 96. (In Russian).

ZHmud', L. (1988). ZHizn' mifa v antichnosti [The life of myth in antiquity]. *Materialy nauchnoj konferencii «Vipperovskie chteniya–1985»*. Vyp. 18. *Doklady i soobshcheniya. Sovetskij hudozhnik*. http://annales.info/other/small/mifmysl.htm#_ftn40. (In Russian).

Klimova, S. (2020). Mifologicheskoe soznanie v teoriyah sovetskoj filosofii [Mythological consciousness in the theories of Soviet philosophy]. *Vestnik Moskovskogo gosudar-stvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 5 (97). 6–17. (In Russian).

Losev, A. (2001). *Dialektika mifa [Dialectics of myth]*. Izd-vo «Mysl'». 558. (In Russian).

Makovskaya, D. (2014). Istoricheskij mif i etnicheskij konflikt: teoriya, metodologiya, tekhnologiya konstruirovaniya [Historical myth and ethnic conflict: theory, methodology, construction technology]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1(77). 78–86. (In Russian).

Malinov, A. (2013). Na puti k etnosofii [On the road to ethnosophy]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbG-PU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 4 (184). 155–162. (In Russian).

Malinov, A. (2013). Etnosofiya, ili arheosofiya, Altaya [Ethnosophy, or archaeosophy, of Altai]. *Studia Culturae*, 18. 121–136. (In Russian).

Popkov, V., Tyugashev, E. (2006). *Filosofiya Severa: korennye malochislennye narody Severa v scenariyah miroustrojstva [Philosophy of the North: Indigenous Minorities of the North in World Order Scenarios]*. Sal'ekhard; Novosibirsk: Sib. nauch. izd-vo. 376. (In Russian).

Rahmanin, A. (2016). *Religiovedenie: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo ba-kalavriata [Religious Studies: Textbook and Workbook for Academic Bachelor's Degree]*. Izd-vo YUrajt. 307. (In Russian).

Epshtejn, M. (2001). *Filosofiya vozmozhnogo [A philosophy of the possible]*. Aletejya, 336. (In Russian).

YAnutsh, O. (2022). *Etnosofiya: 100 let v poiskah se-bya [Ethnosophy: 100 years in search of itself]*. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 4. 11–14.

Kirk, G. (1977). *The Nature of Greek Myths*. PENGUIN BOOKS; L.

Jakobson, R.O. (1975). *N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes*. Mouton; Paris.

